

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

МИГЕЛЬ ДЕ
СЕРВАНТЕС

✦ ДОН КИХОТ ✦

Шедевр мировой литературы

В ОДНОМ ТОМЕ

2024
МОСКВА

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44
С32

Miguel de Cervantes Saavedra

EL INGENIOSO HIDALGO DON QUIJOTE
DE LA MANCHA

Перевод с испанского

Перевод текста *Любимова Николая Михайловича*

Перевод стихотворений, вступление, примечания
Андреева Виктора Николаевича

Текст печатается без сокращений и обработок.

Оформление *Натальи Ярусовой*

В оформлении обложки использованы фрагменты работ
художников *Иоганна Баттиста Цвекера* и *Рикардо Балаки*

Сервантес, Мигель де.

С32 Дон Кихот. Шедевр мировой литературы в одном томе /
Мигель де Сервантес ; [перевод с испанского Н. М. Любимо-
ва]. — Москва : Эксмо, 2024. — 976 с.

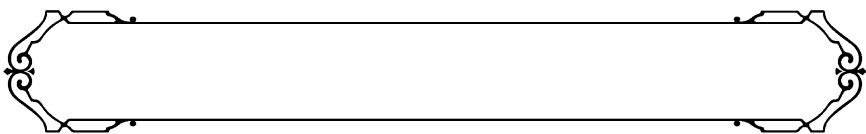
ISBN 978-5-04-181135-8

«Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский» — величайший роман эпохи Возрождения, переведенный почти на сотню языков и волнующий умы вот уже более четырех веков. Трагикомическая эпопея Мигеля де Сервантеса о безумном рыцаре, не боявшемся показаться смешным в своем утопическом стремлении сделать мир лучше, о надежде и отчаянии, мудрости и сумасбродстве, величии и убожестве на сегодняшний день является самой публикуемой книгой после Библии. В 2002 году жюри из 100 писателей, представляющих 54 страны, назвало «Дон Кихота» величайшим произведением всех времен и народов, поставив его впереди творений Шекспира, Достоевского и Маркеса.

УДК 821.134.2-31
ББ 84(4Исп)-44

© Любимов Н., перевод на русский язык.
Наследники, 2024
© Андреев В.Н., перевод стихотворений
на русский язык, комментарии, вступление, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-181135-8

«САМОЕ НЕОБЫЧНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ
ВСЕХ ЛИТЕРАТУР МИРА»
(вместо предисловия)

Внашей стране творчеству Сервантеса посвящены многие сотни книг и литературоведческих статей. Но, конечно же, гораздо больше об авторе «Дон Кихота» написали — начиная с XVII столетия — его соотечественники. Для многих испанцев сервантесовский роман стал поистине второй Библией.

Пусть о Сервантесе и его героях расскажут сегодня испанские литераторы XX века.

Антонио Мачадо (1875–1939) — один из крупнейших поэтов Испании. Автор сборников «Одиночества» (1903), «Одиночества, галерей и другие стихотворения» (1907), «Поля Кастилии» (1912), «Новые песни» (1924), «Война» (1937). В начале 1936 года Мачадо выпустил прозаическую книгу «Хуан де Майрена. Изречения, шутки, замечания и воспоминания апокрифического профессора». В этой книге есть рассуждения и о «Дон Кихоте».

Наш Сервантес не убивал рыцарские романы, так как они были уже мертвы, а воскресил их, наполнив ими, словно миражами пустынь Ламанчи, клетки мозга безумца Дон Кихота. Из этих рыцарских романов, из этого, уже выродившегося, эпоса, Сервантес и создал современный роман. Из самого скромного намерения написать пародию возникло — какая ирония судьбы! — самое необычное произведение всех литератур мира¹.) И никто не может отнять у нас, у испанцев, этого величия, оно наше, истинно наше, не имеющее себе равных.

Необычен и чудесен мир, придуманный Сервантесом, мир с двоящимся временем и двоящимся пространством, с двоящимся рядом персонажей — реальных

---

¹ Под этими словами Мачадо подписались бы и члены Нобелевского комитета по литературе. В 2002 году главной книгой прошедшего тысячелетия Нобелевский комитет назвал сервантесовского «Дон Кихота».

и иллюзорных, с двумя человеческими сознаниями, самодостаточными и тем не менее дополняющими друг друга, с двумя героями, что странствуют и ведут беседы. Против solus ipse¹, утверждения неизменной софистики человеческого разума, поднимают бунт не только Платон и Христос, но и сама сервантесовская книга, полная насмешек, вся ее духовная атмосфера, что и до сих пор является нашей. II становится понятным, почему не написан еще другой великий роман, появления которого все мы, однако, ждем.

Антонио Мачадо одним из первых в мире обратил внимание на диалогическую форму сервантесовского романа.

Диалог как жанр начинается бессмертными диалогами Платона, в которых запечатлены здоровый смысл, рассуждения, доводы, каковые мы воспринимаем благодаря логическому мышлению, свойственному всем нам. В диалогах Христа — с учениками, с толпами народа, с женщинами — нет доводов рассудка, поскольку они уже найдены, но есть формулы, запечатлевшие духовное единство. Средние века не были благоприятными для развития диалога, но в эпоху Возрождения, в Новое время, появляются два исполина, умевшие вести диалог: Шекспир в Англии и Сервантес в Испании.

Диалог у Шекспира, по сути своей драматический, обусловлен обычно сценическим действием; в нем, как и в диалогах Христа, нет доводов рассудка: безрассудства там предостаточно. С помощью логических рассуждений мы можем объяснить поступки героев, но сколь малую роль играет логика в нашей духовной жизни! Рассудочность иссушает, лишает действие блеска. Так думал Шекспир, ибо именно так думает Гамлет, именно так думает и Макбет, антипод Гамлета. Диалог как средство постижения истины (или, если вам будет угодно, как средство обретения объективного видения) либо как форма духовного общения у Шекспира отсутствует. Диалог у Шекспира — это диалог одиночек, диалог людей в конечном счете самодостаточных; они никоим образом не отыскивают общечеловеческого, разум их затерян на опасных тропах индивидуального сознания. Суть каждого лучше всего выражается не в диалоге, а в монологе. Герои великого Уильяма, по сути, ведут диалог сами с собой, поскольку они одиночки и сражаются сами с собой.

Если мы обратимся к Сервантесу, то есть к «Дон Кихоту», то увидим: диалог здесь совершенно иной. Почти несомненно: для Дон Кихота и Санчо — по крайней мере, так они воспринимают это сами, — нет дела более важного, чем вести беседы друг с другом. Для Дон Кихота нет ничего более достоверного, чем наивная, любопытствующая и ненасытная душа его оруженосца. II нет ничего более достоверного для Санчо, чем душа его господина. Но здесь не продираются сквозь чащу человеческой психики в поисках разумных объяснений, не интересуются единой природой человеческого мышления. Надлежит правильно понять: разум их не бездействует, он словно холст, на котором — каждый своими нитками — вышивают рыцарь и его слуга. Не станем забывать: из двух собеседников

¹ Только я один (лат.).

один безумец, что вместе с тем ни в коей мере не мешает ему быть правым, не мешает убеждаться и — отдадим должное гению Сервантеса — убеждать в своем целостном понимании мира и жизни, а второй — жертва как своего здравогомыслия, так и неверия в доводы разума. У Сервантеса нам явлен диалог двух монад¹, самодостаточных и тем не менее ищущих дополнения, в определенном смысле созидательных, столь же убежденных в своей незыблемости, сколь и склонных к изменениям. Диалог между Дон Кихотом и Санчо — этими возлюбившими друг друга, без какого-либо намека на гомосексуализм, мужчинами — достигает столь больших глубин человеческой души, что их можно представить себе только в свете новейшей метафизики.

Словно предчувствуя, что вскоре на долю его родины выпадут суровые испытания, Мачадо пишет:

— *Что ты на это скажешь, Санчо? — спросил Дон Кихот. — Какое чародейство устоит против истинной отваги? Чародеи вольны обречать меня на неудачи, но сломить мое упорство и мужество они не вольны².*

Так — по завершении достославного приключения со львами — говорит Рыцарь Печального Образа в самой необычной главе «Дон Кихота». Нет сомнения: Дон Кихот, наш Дон Кихот, — полная противоположность прагматику, человеку, который из счастливо закончившегося приключения делает мерку для добродетели и истины. Конечно, народ, в котором есть нечто от Дон Кихота, не всегда является народом, как говорится, благоденствующим. Но я никогда не соглашусь с тем мнением, что он является низшим народом. Также не следует полагать, что он народ бесполезный, народ, существование которого мало что дает человеческой культуре в целом, что он не сможет исполнить той миссии, которая предназначена ему, что в оркестре всемирной истории он лишен своего, столь важного для него, инструмента. Ибо настанет день, когда нужно будет бросить вызов львам — без какого-либо оружия, пригодного для сражения с ними. И тогда будет нужен безумец, что не побоятся войти в клетку со львами. Безумец, служащий нам примером.

Когда в Испании началась гражданская война (1936–1939), Антонио Мачадо создал стихотворение, в котором вновь вспоминает о «безумце, служащем нам примером».

И под цокот копыт:
— Могут лишить удачи, —
голос идальго звучит, —
могут лишить удачи,
отваги никто не лишит!

¹ Согласно учению Лейбница, монады — неделимые первоэлементы бытия, которые находятся между собой в отношении предустановленной гармонии.

² См. главу XVII второго тома.

Самый известный во всем мире испанский поэт — Федерико Гарсиа Лорка (1898–1936) — не написал об авторе «Дон Кихота» ни стихов, ни статей. Но он неоднократно говорил о своем великом соотечественнике в газетных интервью. Вот несколько примеров.

«Как грандиозен дуэнде Сервантеса!»

Здесь нужно вспомнить: «дуэнде» было для Лорки одним из важнейших слов. Для него оно значило: «творящий дух, искра божья».

Когда Лорка возглавил студенческий передвижной театр «Ла Баррака», то поставил несколько пьес Сервантеса. И с почти детским удивлением и радостью восклицал:

«Насколько современны мудрость, изящество и динамичность интермедий Сервантеса!»

И наконец — как поэт о поэте:

«Я погружен в стихи Сервантеса...»

Лорка был расстрелян франкистами.

Его друг, поэт Луис Сернуда (1902–1963), пережил испанскую войну. После поражения республиканцев он покинул родину, уехал в Мексику. Незадолго до смерти Сернуда написал стихотворение, в котором обращался из-за океана к своему знакомому, живущему в Испании, где у власти еще был Франсиско Франко:

Но эта далекая, ныне твоя земля,
В согласье с преданьем, что дал нам великодушный
Сервантес,
Геройская в жизни, геройская в битве
За будущее свое...

Так или иначе испанские поэты, люди не от мира сего, как и сам Дон Кихот, ощущали себя потомками сервантесовского героя. Хосе Морено Вилья (1887–1955) написал большое стихотворение, которое назвал «Внук Дон Кихота». Приведем концовку этого произведения: «внук» говорит «своему деду»:

Силы свои соразмерить хочу, чтобы смог
вырасти и расцвести нашей души цветок.

Но больше всего стихов о героях сервантесовского романа написал Мигель де Унамуно (1864–1936), поэт, прозаик, эссеист, философ. Тот, о ком Антонио Мачадо сказал: «Великий ибериец, благодаря которому современная Испания возвышена в мире».

В домашней библиотеке семьи Унамуно было старинное издание «Дон Кихота» с иллюстрациями. И Мигель в еще совсем нежном воз-

расте любил рассматривать эти иллюстрации, а заодно, разумеется, прочитывал текст. Повзрослев, Мигель де Унамуно стал страстным сервантистом. Стихи и статьи о героях Сервантеса он писал всю свою сознательную жизнь. В 1905 году, когда отмечали трехсотлетие выхода в свет первого тома «Дон Кихота», Унамуно издал одну из самых оригинальных сервантесоведческих книг «Житие Дон Кихота и Санчо» (на русском языке она — в переводе А. Косс и С. Николаевой — опубликована в 2002 году). Для Унамуно реальность романа стала самой доподлинной реальностью. *«Сервантес открывает нам то, что мы могли бы обозначить как объективность существования, — а «существовать» — это «быть сущим», то есть «пребывать в реальности» Дон Кихота и Санчо».*

Но вернемся к стихам Мигеля де Унамуно. Приведем одно из них — о детском восприятии «Дон Кихота» (создано в 1928 году):

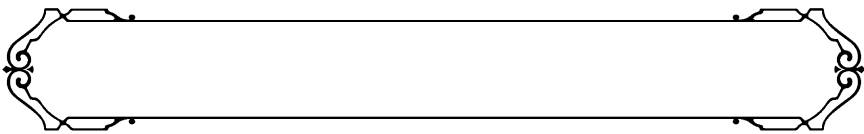
И был тот человек донельзя худ,
с копьём, в доспехах, Дон Кихотом звали,
и толстый Санчо Панса — тут как тут, —
таких пузатых я встречал едва ли.
Худющий рыцарь на коне верхом
и на осле толстяк с лицом веселым —
всегда и всюду странствуют вдвоем, —
худой и толстый, — по горам и долам.
Пожалуй, в детстве не бывало дня,
чтоб я не вглядывался в их фигуры;
и забредала, в поисках меня,
моя душа в старинные гравюры.

Виктор Андреев

Хитроумный
идадьго
Дон Кихот
Ламанчский

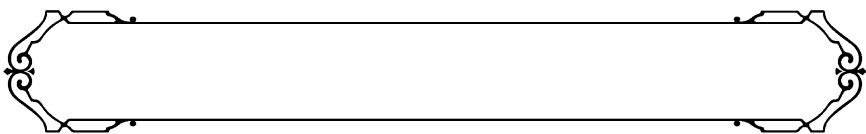

ПОСВЯЩЕНИЕ

Герцогу Бехарскому, маркизу Хибралеонскому, графу Беналькасарскому и Баньяресскому, виконту Алькосерскому, сеньору Капильясскому, Курьельскому и Бургильосскому

Ввиду того что Вы, Ваша Светлость, принадлежа к числу вельмож, столь склонных поощрять изящные искусства, оказываете радушный и почетный прием всякого рода книгам, наипаче же таким, которые по своему благородству не унижаются до своекорыстного угождения черни, положил я выдать в свет «Хитроумного идалго Дон Кихота Ламанчского» под защитой достославного имени Вашей Светлости и ныне, с тою почитательностью, какую внушает мне Ваше величие, молю Вас принять его под милостивое свое покровительство, дабы, хотя и лишенный драгоценных украшений изящества и учености, обычно составляющих убранство произведений, выходящих из-под пера людей просвещенных, дерзнул он под сенью Вашей Светлости бесстрашно предстать на суд тех, кто, выходя за пределы собственного невежества, имеет обыкновение при разборе чужих трудов выносить не столько справедливый, сколько суровый приговор, — Вы же, Ваша Светлость, вперив очи мудрости своей в мои благие намерения, надеюсь, не отвергнете столь слабого изъявления низжайшей моей преданности.

Мигель де Сервантес Сааведра

ПРОЛОГ

Досужий читатель! Ты и без клятвы можешь поверить, как хотелось бы мне, чтобы эта книга, плод моего разума, являла собою верх красоты, изящества и глубокомыслия. Но отменить закон природы, согласно которому всякое живое существо порождает себе подобное, не в моей власти. А когда так, то что же иное мог породить бесплодный мой и неразвитый ум, если не повесть о костлявом, тощем, взбалмошном сыне, полном самых неожиданных мыслей, доселе никому не приходивших в голову, — словом, о таком, какого только и можно было породить в темнице, местопребывании всякого рода помех, обиталище одних лишь унылых звуков? Тихий уголок, покой, приветные долины, безоблачные небеса, журчащие ручьи, умиротворенный дух — вот что способно оплодотворить самую бесплодную музу и благодаря чему ее потомство, едва появившись на свет, преисполняет его восторгом и удивлением. Случается иной раз, что у кого-нибудь родится безобразный и нескладный сын, однако же любовь спешит наложить повязку на глаза отца, и он не только не замечает его недостатков, но, напротив того, в самых этих недостатках находит нечто остроумное и привлекательное и в разговоре с друзьями выдает их за образец сметливости и грации. Я же только считаюсь отцом Дон Кихота — на самом деле я его отчим, и я не собираюсь идти проторенной дорогой и, как это делают иные, почти со слезами на глазах умолять тебя, дражайший читатель, простить моему детищу его недостатки или же посмотреть на них сквозь пальцы: ведь ты ему не родня и не друг, в твоём теле есть душа, воля у тебя столь же свободна, как у всякого многоопытного мужа, у себя дома ты так же властен распоряжаться, как король властен установить любой налог, и тебе должна быть известна поговорка: «Дай накроюсь моим плащом — тогда я расправлюсь и с королем». Все это из-

бавляет тебя от необходимости льстить моему герою и освобождает от каких бы то ни было обязательств, — следственно, ты можешь говорить об этой истории все, что тебе вздумается, не боясь, что тебя осудят, если ты станешь хулить ее, или же наградят, если похвалишь.

Единственно, чего бы я желал, это чтобы она предстала пред тобой ничем не запятнанная и нагая, не украшенная ни прологом, ни бесчисленным множеством неизменных сонетов, эпиграмм и похвальных стихов, коими обыкновенно открывается у нас книга. Должен сознаться, что хотя я потратил на свою книгу немало труда, однако ж еще труднее было мне сочинить это самое предисловие, которое тебе предстоит прочесть. Много раз брался я за перо и много раз бросал, ибо не знал, о чем писать; но вот однажды, когда я, расстелив перед собой лист бумаги, заложив перо за ухо, облокотившись на письменный стол и подперев щеку ладонью, пребывал в нерешительности, ко мне зашел невзначай мой приятель, человек остроумный и здравомыслящий, и, видя, что я погружен в раздумье, осведомился о причине моей озабоченности, — я же, вовсе не намереваясь скрывать ее от моего друга, сказал, что обдумываю пролог к истории Дон Кихота, что у меня ничего не выходит и что из-за этого пролога у меня даже пропало желание выдать в свет книгу о подвигах столь благородного рыцаря.

— В самом деле, как же мне не бояться законодателя, издревле именуемого публичкой, если после стольких лет, проведенных в тиши забвения, я, с тяжким грузом лет за плечами, ныне выношу на его суд сочинение сухое, как жердь, не блещущее выдумкой, не отличающееся ни красотами слога, ни игрою ума, не содержащее в себе никаких научных сведений и ничего назидательного, без выносок на полях и примечаний в конце, меж тем как другие авторы уснащают свои книги, хотя бы даже и светские, принадлежащие к повествовательному роду, изречениями Аристотеля, Платона и всего сонма философов, чем приводят в восторг читателей и благодаря чему эти самые авторы сходят за людей начитанных, образованных и красноречивых? Это еще что, — они вам и Священное Писание процитируют! Право, можно подумать, что читаешь кого-нибудь вроде святого Фомы или же другого учителя церкви. При этом они мастера по части соблюдения приличий: на одной странице изобразят вам беспутного повесу, а на другой преподнесут куцую проповедь в христианском духе, до того трогательную, что читать ее или слушать — одно наслаждение и удовольствие. Все это отсутствует в моей книге, ибо нечего мне выносить на поля и не к чему делать примечания; более того: не имея понятия, каким авторам я следо-

вал в этой книге, я не могу предпослать ей по заведенному обычаю хотя бы список имен в алфавитном порядке — список, в котором непременно значились бы и Аристотель, и Ксенофонт, даже Зоил и Зевксид, несмотря на то что один из них был просто ругатель, а другой художник. Не найдете вы в начале моей книги и сонетов — по крайней мере сонетов, принадлежащих перу герцогов, маркизов, графов, епископов, дам или же самых знаменитых поэтов. Впрочем, обратись я к двум-трем из моих чиновных друзей, они написали бы для меня сонеты, да еще такие, с которыми и рядом нельзя было бы поставить творения наиболее чтимых испанских поэтов.

Словом, друг и государь мой, — продолжал я, — пусть уж сеньор Дон Кихот останется погребенным в ламанчских архивах до тех пор, пока небо не пошлет ему кого-нибудь такого, кто украсит его всем, чего ему недостает. Ибо исправить свою книгу я не в состоянии, во-первых, потому, что я не доволен для этого образован и даровит, а во-вторых, потому, что врожденная лень и склонность к безделью мешают мне устремиться на поиски авторов, которые, кстати сказать, не сообщат мне ничего такого, чего бы я не знал и без них. Вот откуда происходят мое недоумение и моя растерянность, — все, что я вам рассказал, служит достаточным к тому основанием.

Выслушав меня, приятель мой хлопнул себя по лбу и, разразившись хохотом, сказал:

— Ей-богу, дружище, только сейчас уразумел я, как я в вас ошибался: ведь за время нашего длительного знакомства все поступки ваши убеждали меня в том, что я имею дело с человеком рассудительным и благоразумным. Но теперь я вижу, что мое представление о вас так же далеко от истины, как небо от земли. В самом деле, как могло случиться, что столь незначительные и легко устранимые препятствия смутили и озадачили ваш зрелый ум, привыкший с честью выходить из более затруднительных положений? Ручаюсь, что дело тут не в неумении, а в избытке лени и в вялости мысли. Хотите, я вам докажу, что я прав? В таком случае слушайте меня внимательно, и вы увидите, как я в мгновение ока смету с вашего пути все преграды и восполню все пробелы, которые якобы смущают вас и повергают в такое уныние, что вы уже не решаетесь выпустить на свет божий повесть о славном вашем Дон Кихоте, светоче и зеркале всего странствующего рыцарства.

— Ну так объясните же, — выслушав его, вскричал я, — каким образом надеетесь вы извлечь меня из пучины страха и озарить хаос моего смятения?

На это он мне ответил так: